

— Пригайте! Не бойтесь! — Пьер Ришар выглянул на палубу и махнул рукой. — Здесь неглубоко. Кроме того, у меня специально для вас есть спасательный круг!

«Эйндрахт» — так называется баржа Пьера Ришара, бросившая якорь прямо у моста Конкорд, в самом центре Парижа. Здесь артист живет, работает, принимает гостей.

— Да, я много лет уже обитаю на воде. На моем корабле тихо и спокойно — и не подумаешь, что он пришвартован в двух шагах от самой шумной в Париже площади. Ощущаю себя здесь чуть ли не как в деревне. Впрочем, где вы еще найдете такую дачу, с веранды которой открывался бы столь чудесный вид? Налево — Собор Парижской Богоматери, направо — Эйфелева башня. Комфорт? И с этим в моем плавуем доме все в порядке! Электричество, отопление, водопровод, телефон, на набережной — стоянка для автомобиля и мотоцикла. Не скрою, мне нравится чувствовать себя морским бродягой: если надоело стоять на месте, снялся с якоря — и пошел полным ходом куда глаза глядят!

Капитан корабля как всегда улыбаясь, радушен и словоохотлив. Оттененные бронзовым загаром («Загорал тут же, на палубе»), слегка рыжеватые волосы его кажутся еще более светлыми. Весь он — словно сгусток энергии. Однако юсть художника по имени Время коснулась и Ришара. Если взглянуть — у Высокого блондина и морщинок у глаз прибавилось, и седые волосы появились.

Мы сидим на раскладных стульчиках чуть ли не в клубе. На палубе «Эйндрахта» в пластиковых кадках благоухают цветы, шепелят папоротники, извиваются карликовые деревца. Хозяин едва начал разливать по чашкам водянистый утренний кофе, как из чрева баржи появилась черноокая красавица, пышных достоинств которой не в силах скрыть даже свободно сидящий на ней тренировочный костюм.

— Это Айша, моя подруга и ангел-хранитель, — привстает со стула месье Ришар и смежно семенит ногами на месте, точь-в-точь как в фильме «Высокий блондин в черном ботинке» — в сцене, где герой начинает ухаживать за гибкой Мирей Дарк, «женщиной-вамп», — Айша родом из Марокко.

Восточная персидка улыбается и буднично садится пить кофе рядом с нами. А у меня в памяти всплывает наполненный солнцем осенний день несколько лет назад, когда мы познакомились с Пьером Ришаром. Тогда на том же самом пляжном стульчике возле капитана «Эйндрахта» восседала предыдущая муза артиста — по имени Мюрель. Белокурая актриса Мюрель Дюбриль со стройной фигурой, которой позавидовала бы любая манекенщица, и с бюстом секс-бомбы на протяжении последних лет была его неразлучной спутницей. Так же как и змевообразная Айша сейчас, Мюрель выплыла тогда из кают-компания. Помню, пораженный столь очаровательным видением, я допустил бестактность. Спросил: «Месье Ришар, это ваша подруга?» Высокий блондин сначала несколько засмутился, затем сел на ноги («он умеет хмурить ноги», — сказал про него один кинокритик) и с гордостью произнес: «Мюрель — больше чем подруга. Я живу с ней! Но таков уж живой нрав у Высокого блондина: он и на месте долго не сидит, и к женщине накрепко не пристает. Как только начинает чувствовать, что сердечный роман опасно затягивается, — поднимается якорь, отдаются концы, и капитан «Эйндрахта» в очередной раз выводит свою быструю лодочку в открытый океан жютейских бурь!

— Господи, сколько глупостей я совершил в моей жизни! — всплескивает руками Пьер Ришар. — Казалось бы, сейчас, когда мне уже шестьдесят, пора бы остепениться. У меня же два прекрасных сына — му-



С подругой

## Одинокий корабль Пьера Ришара

зыканта: Кристоф — контрабасист, а Оливье — саксофонист. Я же уже дед, черт возьми! Но нет — через себя не перепрыгнешь, не зря так говорят. Вот и живу как перекачанный!

— А может, это гены? Все мы в той или иной степени несем ответственность за грехи наших предков... — Впрочем, возможно... Мой отец был жутким гуленой любителем роскошных автомобилей и шумных компаний, завсегдадем казино, ипподромов. Впрочем, я его совсем не знал, отец ушел от моей матери сразу после моего рождения. И мать меня практически не воспитывала. Я рос в доме моего деда по отцовской линии — Леопольда — настоящего старшего сеньора, важного представителя поместной знати города Валансьен. Даже пес у него был дворянином: Аким де Шиппенбош — кличка — у какой! Огромный замок, выросший в огромном саду на краю угольных терриконов провинции Нор, сонм слуг и лакеев — и я, маленький мальчик, самый одинокий человек на белом свете...

Меня отдали в пансион-интернат, где у меня даже не было права играть с другими детьми: ведь я же был дворянином, а значит, не мог ронять своего аристократического достоинства в плебейских забавах. Боже, как я это переживал! Я мечтал играть в футбол с детьми шахтеров, а меня привозили из дома деда в пансион по понедельникам в вороном «роллс-ройсе». Мне не посчастливилось родиться бедным, и я решил сам бороться с этой несправдливостью. В шестнадцать лет написал ночью жирной краской на парадных воротах дедовского замка: «Говно!» Потом юре, обычно обедавший по праздникам у деда в замке, спросил меня: «А кем собирается стать молодой человек?» Все ожидали, что я скажу, как меня учили: «Адвокатом». Я же, с полным ртом, не прожевав, выпалил: «Комическим актером!» Это был шок, катаклизм. Я испугался, что деда тут же хватит инфаркт.

Потом, когда приглашенные разошлись, все в один голос приняли меня стыдить, но я не сдавался: «Вы же сами всегда просили меня читать «Сирано де Бержерака», когда к нам приходили гости! Вы же сами хлопали и кричали «бис!». Короче, упорно стоял на своем. Ведь к тому времени я уже познал сладость сценических побед. В нашем груст-

тический путь рядом с таким замечательным человеком, как Жорж Брассенс. В первой части его концерта мы с Виктором Лану изображали маленькие смешные истории. Естественно, публика шла в концертный зал «Бобино» послушать песни-баллады Жоржа, а не газеть на наше кривлянье. Брассенс, признанный любимец французов, мог бы отказаться от наших неуклюжих услуг, но он хотел помочь нам, дать возможность показать себя. Жорж видел, как мы волновались — а я всегда дрожу от страха, выходя на сцену, — и старался всячески подбодрить. Он приезжал не ко второй части концерта, как обычно поступают звезды, а специально к нашему выходу. Все время стоял за кулисами и показывал нам знаками, что все идет как надо: «Порядок, мальчики!» Одобрение Брассенса было для нас словно спасательный круг для утопающих. Именно он обучил меня простой и великой истине: настоящее искусство должно быть добрым.

— А вы добрый человек?  
— Во-первых, я — если так можно сказать — добрый актер: отрицательные персонажи у меня не получают-

для воспитания потомства. Лишь теперь, когда оба моих сына стали мужчинами, у нас завязалась настоящая дружба, возникло истинное взаимное доверие. Во всяком случае, надеюсь, что с моими внуками — Артуром и Нозми — я буду более внимательным и нежным, чем был когда-то с моими детьми.

— Каков ваш главный недостаток?  
— Слишком легко расстаюсь и смиряюсь с потерями. Я по темпераменту своему не боец. Но, с другой стороны, угрызения совести рождают у меня творческий импульс. Мне хочется написать о том, что я пережил, воплотить это в кино, на сцене. Ведь я еще и сценарист, режиссер, продюсер. Записываю и пластинки с собственными песнями.

— А главное ваше достоинство?  
— Я остро чувствую несправедливость. Наверное, из меня мог бы выйти неплохой адвокат. Но чтобы стать юристом, надо хорошо учиться, а я всегда был разгильдяем. Только в пятом классе сидел три года. Дело в том, что я не вписываюсь в систему. Я витаю в облаках. Если бы я не стал артистом, начал бы бродить по улицам и спать под мостами Сены, как пьяница-клошар. Мой образ жизни и мое призвание — быть маргиналом. На какое-то время я смиряюсь с системой, живу в ее рамках, но ее правлам, но в какой-то момент взрываюсь, посылаю все к чертовой бабушке и уезжаю куда глаза глядят. Где-нибудь на Сейшелах, в Гималаях или посреди Тихого океана провожу месяц с любимой девушкой и в полной отключке от телефона и факса, после чего возвращаюсь в Париж с новыми замыслами и силами. Стоячая вода вызывает у меня отвращение и страх. Люблю скорость, движение, динамику, ветер в лицо. Увлекаюсь горными лыжами, мотоциклом, подводной охотой. Мне кажется, что я ощущаю движение каждой клеточкой моего тела. Я от природы очень гибкий. Смотрите!

И Высокий блондин, сцепив пальцы в замок, выламывает их так, что, казалось бы, они должны хрустнуть и сломаться. Но ничего трагического не происходит: тело Пьера Ришара по-кошачьи гибко и послушно ему.

— «Юмор — вежливость отчаяния», — сказал кто-то из великих. Согласны ли вы с этим утверждением?

— Пожалуй, да. Ведь я, выражаясь цирковой терминологией, грустный клоун. Люди ждут, что я буду их веселить, а я остро переживаю все более частые с годами приступы ностальгии. Так, наверное, заявляют о себе гены деда по материнской линии — итальянца. Арджимино приехал во Францию в поисках хлеба насущного, но, устроившись железнодорожным рабочим, быстро сделал карьеру, заработал кучу денег и открыл собственное дело. И вот анекдот! Став человеком зажиточным, мой итальянский дед всегда страдал от ностальгии по тем временам, когда у него были рваные башмаки. Арджимино очень меня любил и частенько приговаривал: «Пьеро — единственный из моих внуков, который станет настоящим человеком».

Так вот и я: всегда тоскую по тому, что потерял. Казалось бы, все в порядке: у меня своя компания по производству фильмов, прекрасный дом-корабль, хорошие дети и внуки, любимая женщина. И все равно — мучает-изводит постоянное ощущение: что-то в жизни безвозвратно упущено, чего-то мне не хватает! Чего? Иногда мне кажется, что я на свете — один-одинешенек, живу, словно отшельник в пустыне. В детстве меня называли «логическим инвалидом». Может, так оно и есть на самом деле?



С другом

ном пансионе я был самым щуплым. Там, где другие мальчики отстаивали себя кулаками, ваш покорный слуга проигрывал по всем статьям. Зато когда все мальчишки начинали кривляться, гримасничать, конкуренции мне не было! Я стал комиком, чтобы избавиться от комплекса маленького принца. Чтобы выжить и не ощущать себя столь одиноким.

Чувствуется, что Пьер Ришар с ностальгией вспоминает о своем детстве. Кстати, об этом он написал книгу «Маленький блондин в большом парке». Книга о детстве и о жажде родительской любви, которой ребенку так не хватало.

— А что, месье Ришар, было потом?  
— Классический актерский путь: наверх! Пыльные подмостки в кофейнях, где я разыгрывал скетчи вместе с моим другом Виктором Лану. Короткие выступления по радио... Мне повезло. Я начинал арти-

ся. И вообще, я — не актер, а персонаж. Публика идентифицирует меня с собой. Я — типичный маленький человек: банковский клерк, мелкий репортер, актер-статист, незадавшийся рекламный агент... Спешу по брусчатке мостовых по своим делам, и со мной происходят всевозможные злоключения. Поймите: я — из породы невезучих! Если маляры, красящие дом, уронят вниз ведро с краской, будьте уверены: оно упадет или на меня, или на мою машину. И так всегда!

— Если вас это хроническое невезение не озлобило, не ожесточило, значит, вы и в самом деле очень добрый не только актер, но и человек.

— Не знаю... Друзей у меня мало. Пожалуй, Жерар Депардьё — и все! Причем я очень жадный в дружбе: хочу, чтобы мои друзья были только для меня одного... Мои дети выросли рядом со мной и одновременно вдалеке от меня: актер — не самая идеальная профессия

Интервью вел  
Константин ЛЕЖАНДР  
Париж